

ЗАГОВОР ДРАКОНА

ТАЙНЫЕ ХРОНИКИ

Станислав СЕНЬКИН

Афонские рассказы

Станислав Сенькин

Заговор Дракона. Тайные хроники

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сенькин С. Л.

Заговор Дракона. Тайные хроники / С. Л. Сенькин — «Яуза»,
2018 — (Афонские рассказы)

ISBN 978-5-9500752-9-2

У этой книги особенная судьба. Написанная еще семь лет назад, она не издавалась по цензурным соображениям, поскольку освещает острые и важные вопросы в неоднозначном свете. Этот необычный роман вобрал в себя опыт, полученный автором во время путешествий по Сербии и другим Балканским странам. Смело экспериментируя со стилем, Станислав Сенькин создает страшную сказку, связывая плотным узлом прошлое, настоящее и будущее. Герои романа разбираются в извечном конфликте западной романо-германской цивилизации и живущей в православии Византии. Каждому приходится делать свой непростой выбор. Какие истории приносят ветры к могучему дубу, имеющему собственное имя Душан, и какие мистические силы противостоят восточной христианской цивилизации, вы узнаете, погрузившись в изобретательный мир долго ожидавшего своего издания, увлекательного, наполненного полумистическими тайнами романа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9500752-9-2

© Сенькин С. Л., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

От автора	6
Глава 1. Сербия в лапах дракона	7
Глава 2. Тайны ордена «Рош»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Станислав Сенькин

Заговор Дракона. Тайные хроники

© Сенькин С. Л., 2018

© ООО «Яуза-каталог», 2018

* * *

От автора

Этот роман не доказывает существование вампиров так же, как другие авторы, начиная с Вольтера, это не опровергают. Мир без вампиров не полон, это понимают многие, но мало кто способен принять истинное знание о них.

Отдельная благодарность за помощь в исследовании феномена сербских вампиров профессору философии Нишского университета Деяну Марковичу, чей энтузиазм и верность истине не дали погрузиться этому вопросу во тьму невежественного отношения. Его самоотверженный труд направлен не на реабилитацию вампиров, как говорят многие, но на сохранение правильного отношения к видимой нечистой силе. Да сохранит его Господь от видимых и невидимых врагов!

Свою попытку донести альтернативную точку зрения до читателя я сам считаю удачной. Как всегда, оговариваюсь, что имена героев и сюжет являются плодом авторского творческого воображения.

Выпады некоторых героев произведения против евреев и англичан прошу не считать проявлением или пропагандой антисемитизма и ксенофобии, а художественным приемом, приемлемым в *свободном* художественном творчестве.

Немногие из вас поймут, о чем действительно идет речь в этом романе. Иногда слова имеют два значения.

Решающая битва великих драконов на святом Косовом поле еще впереди.

Глава 1. Сербия в лапах дракона

Не сомневайся, сын, за отрицанием видимой нечистой силы они перестанут признавать и невидимую нечистую силу. Мир людей и мир демонов при соблюдении некоторых условий находится во взаимном проникновении. Об этом хорошо знают монахи и колдуньи, одни как борцы, другие как пособники демонов. Используя силу покорившихся ему людей, дьявол приступает к созданию своих полков и в мире людей. Рядовыми legionерами этих дьявольских войск являются грешники, возглавляют же их колдуньи, вероотступники и вампиры – поганые князья, которые внешне исповедуют Христа, но внутренне поклоняются дьяволу. Они ходят по воскресеньям в церковь и пьют кровь своих крестьян. Ты должен это знать, сын мой, когда применишь управление парохией...

Монах Геронтий «Слово к иеромонаху Констанцию по поводу пресловутых споров о вампирах».

О вампирах сегодня не пишет лишь ленивый.

Литературный критик

Меня зовут Милан Горич

Много лет я не верил в существование вампиров, отрицал очевидное; я раздваивался сам в себе, очень долго подвергался жесточайшим сомнениям по поводу виденного мной. Реальности, та, которую знал я, и та, что исповедовали большинство, были и остаются разными. Настолько разными, что стена между мной и людьми оказалась выше Великой Китайской стены и намного прочней Берлинской.

Я пытался, обезумев от одиночества, объяснить людям про странное ощущение, которое возникает при столкновении с видимой нечистой силой: когда ты чувствуешь себя сумасшедшим и пытаешься обратиться к психиатру, который в современном мире один уполномочен в таких вопросах. Нейролептики превращают тебя в подобие зомби, ты на грани отчаяния, безумия, самоубийства. Затем, отчаявшись в своих попытках стать нормальным, ты плюешь на общественное мнение и начинаешь жить той жизнью, к которой тебя приготовил Господь, безо всякого психологического камуфляжа. Ты пытаешься найти подругу, друга, любого человека, кто смог бы понять тебя и разделить всю боль одинокого противостояния злу. Ты открываешь незнакомым людям в полупустых кофейнях в сотый раз все, что у тебя на душе, надеясь, хотя бы в сотый раз, найти понимание или просто сочувствие.

Но люди, как было нетрудно предположить, относятся к моим рассказам хоть и сочувственно, но несерьезно. Они видят во мне лишь не реализовавшего себя шута, одного из тех придурковатых парней, которые, напившись, диким голосом горланят свои песни в переполненных кофейнях.

И, наконец, я понял одну маленькую истину, которую и выношу на ваш суд: люди смогут принять мою особенную судьбу лишь как собственное развлечение. То, что занимало меня многие годы и стало для меня проклятием, для них, для вас всего лишь банальное лекарство от скуки. Если вам стало скучно, вы, возможно, зайдете в магазин и посмотрите на обложки книг, гадая, развлечет ли вас очередной триллер или нет, ибо по опыту вы знаете, что обложка очень часто не соответствует содержанию. Иногда содержание вас развлечет, и даже весьма развлечет, до дрожи в коленях, на которые вы кладете эту безумно интересную книгу. Вы готовы плакать

над судьбой литературного героя и страшиться всей виртуальной нечисти. Но, встретив меня в какой-нибудь сербской кофейне с речами такого же содержания, вы скорее всего поспешно удалитесь, потому что, как я подозреваю, не хотите принять вампиров в собственную жизнь. О, как я вас понимаю! Жизнь без нечисти так прекрасна и лучезарна, луна покровительствует влюбленным, а кладбища располагают к философским размышлениям о смысле жизни. Но, хотите ли вы этого или нет, я свидетельствую: вампиры существуют.

Если допустить гипотетически, что вы встретились с чем-то необъяснимым, выходящим за рамки нормального понимания, куда, к кому вы пойдете? Я поступил так, как поступило бы большинство из вас: пошел за помощью в церковь. Там, где Бог разговаривает со своими слугами, которые борются против мира, страстей и дьявола, я надеялся найти ответы на все свои вопросы.

Но современная реальность не оказалась толерантной к средневековым моделям ее восприятия. Благообразный священник, на которого я возлагал особые надежды, услышав мои рассказы, посоветовал мне пройти лечение и постепенно стал чуждаться меня как душевнобольного. В один из последних наших разговоров – я помню – он недоверчиво и даже несколько презрительно усмехнулся:

– Милан, ты понимаешь ли сам, о чем говоришь мне? – Ухмыляющийся священник – зрелище, отнюдь не укрепляющее веру.

Его реакция вызвала у меня сильное раздражение, ведь я полагал, что если кто и должен верить в вампиров, так это духовенство. А он считал нас, ученых, более компетентными в подобных вопросах.

– Отец Василий, поверьте мне, я говорю правду. Вы что, не верите мне?! – Я смотрел на его желтоватые зубы с неровными краями, аккуратно подстриженную бороду и меня стали одолевать по-настоящему параноидальные сомнения в том, не является ли он сам одним из них?

Лишь потом я понял, что отец Василий просто комплексовал. Его многострадальное сословие считали в Югославии выразителем средневековых суеверий и всяческого мракобесия. Оттого священник искренне верил в прогресс и думал, что современные научные открытия скоро докажут существование Бога. Что наука есть действенное орудие промысла Божия. При грехе уныния он рекомендовал закаливание и регулярные спортивные процедуры, а не ежедневное чтение акафиста Иисусу Скорбящему. Я попал не на того священника, возможно, и промыслительно.

Он тогда со смехом, который почти оскорбил меня, отвечал:

– Какие еще вампиры? Милане, человеке! Мы для себя самих являемся вампирами, когда бесстыдно грешим и не ходим в церковь, хотя бы на Славу¹, Рождество и Пасху. Если, дорогой Милан, мы не чтим семейную Славу и не жертвуем деньги на храм Божий, тогда, и только тогда, дьявол может подослать к нам своих коварных слуг, которые смогут принуждать тебя к совершению дурных поступков. Но слуги эти не видны невооруженным глазом, потому что это бесплотные духи. Современная наука не может опровергнуть или подтвердить существование невидимых демонов, обитающих в воздухе. Но насчет вампиров, оборотней и прочей нечисти «во плоти» вы – ученые и мы – религиозные деятели сошлись на том, что их все-таки не существует. А если ты, Милане, будешь причащаться и следовать всем церковным правилам, никто из «левых» не сможет к тебе и приблизиться. Молитва и пост... Начинай вести церковную жизнь... Особо ее не афишируй, ведь у вас в университете не очень-то нас жалуют. Ха-ха. Шучу, конечно. – Священник тогда снисходительно и бережно хлопнул меня по плечу,

¹ Славой в Сербии называют семейный праздник своего ангела-хранителя, святого, покровителя рода. В отличие от других право-славных народов у сербов славский святой покровительствует целой семье. Слава передается по линии отца. Больше всего в Сербии славскими святыми являются св. Петка, св. Николай Чудотворец и св. Георгий. Этот обычай уходит еще в языческую древность. (Здесь и далее – примечания автора.)

благословив на святое причастие. Но и частое принятие святых тайн не помогло мне увидеть истинную реальность без вампиров. Может быть, я не получил Божественную помощь из-за своего малoverия, а могло быть и так, что Господь намеренно оставил меня, чтобы я смог закалиться в борьбе и узнать больше об этом вопросе. С каждым прожитым днем я убеждался в том, что вампиры существуют.

Священник отказался быть моим духовным отцом, сейчас я его прекрасно понимаю, я же был ученым, которого пригрела на своей груди система. По этой самой причине священник наверняка усомнился в своем помысле, не являюсь ли я хитрым провокатором, который хочет написать пасквиль о мракобесии священства, что в наше просвещенное время продолжает верить в вампиров, как будто в Европе царили еще темные века? Отец Василий никак не мог поверить, что молодой и подающий надежды профессор истории верит в подобную чушь...

Религия в Югославии считалась уделом неразумных женщин. Почти все из действующих сербских монастырей были женскими, и неразумные монахини были единственными, кто меня хоть в чем-нибудь понимал в безбожном социалистическом мире. Думаю, что меня выгнали бы за мои чудачества из Белградского университета, если бы не Божественное провидение. Если Бог Сам открывает какие-то двери, никто не в силах Ему помешать, ни идеологи социализма, ни сам Тито. А может быть, профессора считали мое болезненное увлечение лишь экстравагантным хобби?

Вампиры и вправду, как бы там ни было на самом деле, стали для меня навязчивой идеей. Вначале, как я уже говорил, по совету священника я боролся с ними при помощи медикаментозной терапии, затем, когда меня вытошнило от подобного лечения в уличную урну, я начал по-настоящему думать. На черном рынке я достал старинный пистолет, стреляющий серебряными пулями, стал носить в кармане чеснок и развешивать в своей полупустой белградской квартире пучки шалфея.

Несколько лет назад пугающие видения и странные совпадения, о которых можно говорить очень долго, почти перестали происходить в моей жизни. Самое время вздохнуть с облегчением и успокоиться, но я вдруг ощутил доселе неизвестное мне страстное желание изучить истоки этого вопроса: откуда вообще и зачем на земле существуют вампиры? Я воспринял это успокоение как краткую передышку, во время которой я смогу приобрести теоретические знания о вампирах, что поможет мне в дальнейшей борьбе. Но это оказалось очень трудным занятием.

Вампирологию ведь не преподают в школе или институте. Я обратился к Голливуду и художественной литературе, но современный миф о Дракуле и его приспешниках не вязался с теми маленькими познаниями, какие я уже приобрел в своей маленькой борьбе. Образ кинематографического Дракулы был полностью списан с больных порфирией – странным и неприятным заболеванием, которое возникает от генетических отклонений и характерно недостатком в организме красных кровяных телец – гемоглобина.

Кинематографический вампир был бледной обескровленной тенью настоящего, он был отдушиной для современного мира, который подозревал о существовании видимой нечистой силы, но не находил в себе собственных сил для того, чтобы признать ее живой и действующей. Так нечисть, изгнанная скепсисом, как святой водой, из реального мира, стала осваивать мир фантазий.

Тогда я обратился к древним легендам разных стран и народов и обнаружил неисчерпаемый источник вдохновения для своих трудов. Постепенно я узнал, что являюсь единственным настоящим вампирологом для своего времени. Это все было так странно и удивительно, что преисполняло меня гордостью. Но моя гордость часто сменялась страхом. Я вспоминал те моменты, когда вампиры пытались уничтожить меня, и думал: не следят ли они за моим продвижением в науке их познания, не ждут ли они чего-то от меня? Ведь вампиры не трогали меня, но я часто ловил себя на ощущении, что за мной пристально наблюдают. Либо они что-

то от меня хотят, либо Господь оградил меня от видимого зла, чтобы я послужил Ему. Что же было правдой? Пока я не мог дать четкого ответа на этот вопрос.

Субботица

Всякое явление в мире имеет начало. Когда я впервые встретился с видимой нечистой силой, был обычный летний вечер, не отличающийся ничем от других таких же вечеров, разве что жара тогда стояла необычайная. Я помню его так, как будто это случилось со мной лишь вчера.

На лето, да и просто на выходные, я ездил из Белграда к своей бабушке под Кралево, откуда была родом моя мама, в деревню под смешным и родным мне названием Субботица. Есть в Сербии еще и город Субботица, но это не то место, прошу заметить; наша Субботица – маленькая деревня в тридцати километрах от Кралево. И в этой самой маленькой Субботице с незапамятных времен стояла старая заброшенная церковь, посвященная святой Петке. Храм был небольшим и неказистым. Сельские женщины не дали ему окончательно превратиться в мерзость запустения и регулярно выносили оттуда мусор, но сельские мальчишки с еще большей регулярностью устраивали там свои игры, несмотря на то что их за это драли за уши.

Нашей семейной Славой была как раз святая Петка. Святая великомученица Параскева, моли Бога о нас! Бабушка ездила на Славу в соседнее село, освящала славский калач, причащалась и приносила нам, если мы были тогда в Субботице, какие-нибудь святыни, просфорки или маленькие иконки. Мой отец был убежденным коммунистом и лично знал Тито, ему такая религиозность по понятным причинам была не по душе. Он никогда не говорил, что за Слава была у его семьи, отец просто отрекся от своей Славы, как и от Бога. Одним словом – коммунист. Но он был и моим отцом, и я по-своему любил его. Отец обладал джентльменским набором ценных личностных качеств, к примеру, он никогда не указывал моей бабушке, но ненавязчиво всегда давал ей понять, чтобы она даже не пыталась вмешиваться в мое воспитание и не учила меня молитве или другим вещам из религиозной практики. Когда бабушка в разговоре со мною как бы невзначай упоминала Имя Божье, отец всегда хмурился, что бы он ни делал в это время. Бабуля чувствовала его реакцию и осторожно прекращала свои попытки обратить мое детское сердце к Богу.

Мудрая бабушка понимала моего отца и вела себя при нем как неразумная женщина, которым в Югославии, со снисходительной подачи Тито, было дозволено предаваться религиозному чувству, как дурману. Но, несмотря на отцовский негласный запрет, бабушка все-таки объяснила мне, что святая Петка была покровительницей нашей семьи. Хотя мой умный и образованный отец не верил в ее существование, я, по бабушкиным ненавязчивым поучениям, не должен обращать на это внимание, но помнить святую и просить ее помощи во всех затруднительных ситуациях.

Бабушка подарила мне часть своей веры, которая передается не словами, а чувством. В ее глазах, устремленных к иконе Божьей Матери, или в ее невольных молитвенных возгласах было нечто, заставлявшее сердце содрогнуться от неясного, но приятного переживания. Сильная вера и благоговение не могут не передаваться, и даже мой суровый отец-марксист изредка крестился, когда бабушка затепляла лампадку. Я внимательно слушал отца, когда он объяснял мне азбуку научного атеизма, но мое сердце всегда было с бабушкой.

Я любил Субботицу. Разве в Белграде можно так поиграть и побегать, как здесь?

Соседский мальчик Горан был моим лучшим другом, но и отчаянным сорванцом, который ничего не боялся. С ним и с другими мальчишками мы играли в прятки вблизи заброшенной субботицкой церкви. Посеревший от времени и дождей храм Святой Петки стал местом наших излюбленных детских забав. Я часто прятался рядом с небольшим каменным престолом в алтаре и смотрел на остатки фрески, изображавшей святую Параскеву. Мое сердце бешено

билось от страха, что меня найдут, и я, вспоминая уроки бабушки, просил святую Петку, чтобы меня как можно дольше не находили. И моя незрелая детская вера находила укрепление в том, что я действительно стал самым удачливым участником всех игр, в какие бы мы ни играли. Я боялся рассказывать друзьям о своем секрете, чтобы и они не воспользовались им и не стали удачливее меня.

Мы не только играли в храме, но и рассказывали друг другу страшные истории, как это заведено у детей. Про страшную черную комнату, зашторенную черными занавесками, про гномика, задушившего маленькую девочку и, наконец, про вампиров, пьющих человеческую кровь.

При полной луне, плывущей в летнем небе, мы рассказывали друг другу эти леденящие кровь истории и дрожали от приятного возбуждающего страха. Горан, который был нашим заводилой и вожаком, воровал из дома парафиновые свечи. Мы прилепляли их к старым каменным окнам и осторожно зажигали. Этот таинственный мерцающий свет придавал нашим детским посиделкам по-настоящему жуткий колорит. Как будто в храме шла служба, но уже не Богу, а его противнику. Мы садились на деревянные лежащие на каменных подоконниках, Горан доставал папиросу, и мы начинали по очереди курить и вытаскивать из собственного подсознания все эти детские мифы про злых карликов из пряничных домиков. Постепенно нам начинали мерещиться всякие маньяки и демоны. Мы смотрели под ноги, с опаской наблюдая, чтобы не наступить на поскока – рогатую гадюку, укус которой был смертельным. Это все было очень волнующе и приятно, несмотря на опасность, духовную и телесную.

Однажды мы вдвоем с Гораном забрались в церковь. Было девятое августа, жаркий летний вечер с комарами и лунным светом. Мы ели ломтики холодной свинины, разложенной на газете и обсуждали недостатки наших общих приятелей. Только мы с Гораном были самыми сильными и ничего не боялись, остальные казались нам слабыми и нуждающимися в нашем покровительстве. Наконец, Горан спросил меня:

– Милане, ты знаешь, кто похоронен на этом кладбище? – При субботицкой церкви, как это было принято на Балканах, было кладбище. Маленькие могилки нуждались в сильном уходе либо уже сносе. Имена усопших уже стерлись с камней, и уже почти невозможно было узнать, кто здесь похоронен.

Я посмотрел на своего друга и испуганно прищурился. На самом деле я боялся Горана, и он, надо отметить, это прекрасно чувствовал. Поговаривали, что его бабушка была опытной колдуньей, умеющей вызывать злых духов. Его мать покончила с собой, когда русский отец Горана поручик Борис Зайцев был расстрелян смершевцами в госпитале для ветеранов Первой мировой войны в городе Белая Церковь. Эта несправедливость, как каленым железом, выжгла в сердце мальчика шрам – отметину на всю оставшуюся жизнь. Горан был смелым и сильным, но в нем жила какая-то ненависть, не к конкретному человеку или народу, а ко всему миру, к существующему порядку вещей.

Он был настоящим маленьким антихристом, способным высмеять как Бога, так и Тито. Для него воистину не было ничего святого, хотя и мерзким я назвать его все-таки при всем желании не смог бы. Была в нем и доброта, хоть и высокомерная, но ведь доброта. В тот самый день, когда он спросил меня о кладбище, я внимательно посмотрел в его черные цыганские глаза. Моя внимательность была порождением не только обычного страха.

Мне было уже двенадцать лет, на год меньше, чем Горану, но я еще совсем недавно выстрадал идею неумолимой смерти. Когда я, наконец, понял и всем сердцем осознал, что человек – смертное существо и мне как человеку придется оставить этот мир рано или поздно, в моей душе началась настоящая война. Какие-то силы, олицетворяемые образами бабушки и отца, отстаивали противоположные взгляды на мое собственное посмертное существование. Образ отца был агрессивней и поэтому сильнее, он показывал мне смерть как спиралевидную черную дыру, притягивающую все и из которой нет возврата.

Поздно вечером я пришел к отцу и матери. Родители еще не спали. Отец, с обычным сердитым выражением лица, читал газету, а мать вязала ему теплые носки. Привычная идиллическая картина показалась мне наполненной болью и вселенским разложением. Конечно же, скоро черная дыра поглотит все это уютное тепло без остатка, как жадный зверь! Вылакает жизнь из блюдца моего сердца, как кошка молоко.

Я подошел к родителям, заплаканный и насупленный, и высказал свой страх, надеясь получить от него освобождение. Мать улыбнулась и погладила меня по голове, попыталась что-то сказать, но отец властным жестом остановил ее. Он осторожно взял меня за голову обеими руками, немного сдавил ее подушками пальцев, как сдувшийся мяч, и заглянул мне в глаза со всей присущей ему суровостью:

– Милан, сынок, все умирают. Смерть – в порядке вещей. – Мать хотела вставить и свое утешающее слово, но отец резко перебил ее: – Пусть он знает всю правду! Лучше отрубить больную руку одним махом, чем пилить ее день за днем. – Он обернулся ко мне с видом пророка: – Ты умрешь, Милан, как и все на этой земле. – Отец поднял свою руку вверх, указывая на потолок своим узловатым пальцем. – Но ты должен прожить свою жизнь достойно, ради счастья будущих поколений. Ты меня понял?

Я оцепенел от такой жестокости. Разве можно разбивать так мечты и надежды, пусть даже они иллюзорны? Покачав головой, я решительно заявил:

– Отец, скажи мне тогда. Если я умру, какой смысл всему? А мне-то что до будущих поколений? – Острый страх смерти вызвал у меня дерзость, но эта дерзость была понята моим отцом. Было видно, что он уже дал себе ответ на этот вопрос, который в свое время и его немало беспокоил.

– Мне-то что? – Мой родитель надменно усмехнулся. – Ты скоро сам все поймешь. Они, наши потомки, должны жить лучше, чем мы, они будут благодарить нас... – Его глаза засветились благодушием, что бывало крайне редко. – Они будут счастливы, и это счастье будет построено на крепком фундаменте, замешенном на нашей крови. Ты, Милан, еще это поймешь, вот увидишь.

Потом, будучи уже маститым профессором, я действительно понял отца, – он просто подчинился всей душой чувству родового бессмертия, которое в большей степени присуще еврейскому народу.

Но меня тогда, впрочем, как и сейчас, не устраивало родовое бессмертие, мне хотелось бессмертия личного. Я, как затравленный волчонок, отвел глаза в сторону, чтобы не смотреть на отца. Мне не стало страшно, обреченность – чувство другого порядка, чем страх, в котором еще присутствуют жизнь и даже надежда. Отец тогда олицетворял для меня этот страшный и странный порядок вещей, его правая рука давала жизнь, а левая – отбирала ее. Мать, зная его крутой нрав, не пыталась перечесть ему или говорить мне что-нибудь утешающее.

Для меня же слово отца было словом самого Бога – сурового и справедливого демиурга, создавшего эту жестокую вселенную, державшего нас в плену жизни пряником удовольствий и неумолимым кнутом личной смерти. Твердый и решительный ответ отца захлопнул для меня дверь в небесные врата, о которых душа знала и тосковала...

...Услышав вопрос Горана, я напрягся, поскольку чувствовал, что мой друг знал что-то о смерти, чего не мог знать даже мой отец. Его мать и отец уже были мертвы, а бабка стояла одной ногой в могиле. Горан, как мне казалось, был в каком-то родстве со смертью. Он знал многое. Однако это знание было еще страшней, чем суровый ответ отца. Это был стук не в райские, а в адские врата...

...Горан тряхнул меня за плечи.

– С тобой все нормально, Милан? Ты похож сейчас на нашего белого кота, у него такой же испуганный вид, когда бабка льет на него холодную воду.

– Нормально. – Я попытался улыбнуться. – Так ты что-то хотел рассказать про наше субботицкое кладбище?

– Да не про кладбище, чудак! Я спросил, знаешь ли ты, кто здесь похоронен и почему эта церковь сиротливо стоит без попа и службы?

– Хм! – Я недоуменно оглянулся и посмотрел на трепещущую свечу, которая освещала небольшой заброшенный храм с остатками древних примитивных фресок. – Ну как, все это знают... Тито и коммунисты.

Горан засмеялся.

– Ничего ты не знаешь, приятель! Причем здесь Тито со всеми этими долбаными коммунистами?! Ха. Эту церковь закрыли давно, гораздо ранее, чем ты думаешь. Моя хитрая бабка говорила, что она была пустой еще при австрийском царе. Знаешь почему?

– Нет. – Я удивленно посмотрел на своего друга. В моем сердце жило предчувствие, знание о том, что история, которой он со мной хочет поделиться, будет самой страшной из всех – настоящим хитом среди всех наших страшилок. Почему же он не рассказывал ее при всей нашей компании, но только сейчас, наедине со мной, своим сотаинником и другом? Ведь тогда бы он еще больше утвердил свой авторитет. Я понял, что это была не просто страшная история, вечерняя развлекаловка, а и вправду некое откровение, которое отворит мне врата смерти и, наконец, покажет, что находится за ними.

Горан выдержал многозначительную паузу.

– Я тебе все сейчас расскажу, но ты с нашими не делись. – Он прыгнул с подоконника. Его взгляд светился, почти как у моего отца, когда тот говорил про будущие поколения. – Это не простое место, мой друг, а в каком-то смысле и заколдованное. Да-да, заколдованное. Наш храм стоит на кладбище кровососов.

– Каких еще кровососов?

– Каких-каких! Вампиров!

Я недоверчиво покосился на Горана, ожидая, пока тот прыснет от смеха. Но его лицо оставалось невозмутимым.

– Ты что, серьезно? Он что, построен на нем?

Горан кивнул:

– Ага. То есть нет, не построен, но вокруг него с давних времен стали хоронить вампиров. Здесь, на этом самом кладбище, лежат тела с отделенными головами и пробитой грудной клеткой. Им вгоняли осиновый кол в сердце и отделяли головы, чтобы они не вставали из могил, не пили кровь людей.

Горан, как посвященный жрец, носитель тайного знания, сделал паузу. Меня это, честно говоря, впечатлило. Вокруг этого кладбища в Субботице витала ка-кая-то тайна. Никто никогда не говорил о нем и не приходил ухаживать за могилками. Селяне действительно чурались этого места, как проклятого.

Услаждаясь моим кроличьим испугом, мой приятель высокомерно продолжил:

– Этот храм закрыла австрийская королева Анна, чтобы предотвратить восстание сербских крестьян. Простолюдины считали, что их изводили высокородные вампиры. Правдой ли это было или нет, я не знаю... Но повсюду в Кралево находили обескровленные трупы крестьянок. Власти успокаивали крестьян, говоря, что это орудует насильник, который таким образом маскирует свои преступления. Но крестьяне все больше верили в настоящих вампиров. У всех на слуху еще было имя Эрджебет Батори². Истории, подобные этой, передавались из поколения

² Графиня Эрджебет Батори была высокородной лесбиянкой и садисткой, которая совершала невероятные жестокие вещи над молодыми привлекательными служащими и девушками-крестьянками. Эрджебет родилась в Венгрии в 1560 г., имела в роду сатиров, лесбиянок и ведьм. Так же семья Батори имела кровные связи с потомками Влада Цепеша. Графиня умертвила более 650 девушек, используя их кровь для омоложения, и была уличена в убийствах католическим священником. По политическим причинам Эрджебет никогда не посещала суда. Она осталась пожизненно заключенной в своем замке. Ее имя –

в поколение. Страшные слухи о вампирах подогревали тлеющую ненависть простолюдинов к надменным аристократам.

Восстание черни уже начиналось, было убито несколько чиновников, немцев по крови. Толпа разорвала их на куски. В Кралево были поспешно посланы войска, и восстание было подавлено на корню, утоплено в крови. Последний священник – настоятель этого храма был обвинен в государственной измене, арестован и перевезен в Будапешт. Он умер в темнице от переохлаждения. Земляки говорили, что он написал это самое последование «запрещение вампира» на стенке темницы и что этот кусок стены находится в запасниках Габсбургов в Вене вместе с копьем судьбы и другими реликвиями.

На секунду мне казалось, что Горан сочувственно относится к этому священнику.

– Так что, этот отец Савва был святым мучеником? – робко осведомился я. – Получается так, он ведь пострадал безвинно, за веру...

Друг в ответ на это только рассмеялся:

– Не-ет, что ты! Какая еще вера! Бабка говорила, что этот священник – отец Савва – был ловким мошенником, как раз из таких, о которых и говорит Тито. Он прекрасно знал Писание и обладал превосходным даром слова. Савва продавал землю, кладбищенские места невежественным крестьянам под могилы для вампиров. Причем цена на квадратный метр здесь была достаточно высокой, почти такая же, как на Венском кладбище.

Кралеvские крестьяне выкапывали всех мертвецов, кого только подозревали в вампиризме, и привозили сюда, на это самое кладбище. Они не жалели денег, хотя сами голодали, и скупали кладбищенские участки заранее. Здесь отец Савва, руководствуясь каким-то древним последованием, читал над подозрительными покойниками молитвы и торжественно отделял голову трупа.

Горан, как опытный актер, показывал руками, как отец Савва обезвреживал тело вампира, и я почти воочию видел всю ужасную картину и почти чувствовал невыносимое зловоние разлагающегося тела.

– Поп хоронил вампиров и убеждал крестьян, что он своей молитвой связал всех упырей, которые отныне не будут беспокоить крестьян и упокоятся здесь вечным сном. Особенно если крестьяне не будут забывать вносить свои щедрые жертвования. Все были довольны талантливой постановкой мистического спектакля, и дела этой parroхии³ шли очень хорошо. Затем к отцу Савве стали по ночам приходить головорезы гайдуки, и они о чем-то сообщались. Приходской священник постепенно становился политической фигурой. После месяцев этих тайных сообщений отец Савва стал учить с амвона, что главные вампиры находятся в Вене, и, пока сербы не скинут с себя ярмо немцев, убийства невинных крестьян будут продолжаться.

Дальше был бунт, о котором я уже рассказал тебе, арест отца Саввы, как одного из организаторов восстания, и указ австрийской королевы о том, чтобы как можно быстрее закрыть эту церковь. Анна хотела стереть и саму память о кладбище вампиров, но отдавать приказ о его сносе боялась.

В следующие десятилетия и века храм пытались открыть еще несколько раз, но смелые восстановители храма сталкивались с лютыми происками нечистой силы: некоторые строители тронулись умом, иные вообще погибли при загадочных обстоятельствах. Поэтому владыки и не хотят связываться с субботицким храмом и службы здесь никогда не будет. Никогда!

Горан перешел на громкий шипящий шепот:

– Это мое мнение, которое я никому не навязываю. Это проклятое место, Милане. Ты понимаешь? Здесь хоронили всех кралеvских вампиров.

У меня вырвался стон удивления и страха:

один из ярчайших примеров вампиризма власть имущих в Средневековье.

³ Парохия – приход.

– О-о! – Я обернулся по сторонам. – Да поможет нам святая Петка. Это место и впрямь какое-то странное. Бабушка говорила, что мне следует молиться святой Петке и чтить ее, ведь это наша Слава. Но про вампиров она мне ничего такого и никогда не рассказывала. Ты уверен, что... это правда? Я имею в виду эту историю. Или это всего лишь твоя очередная страшилка? Ты своей цели добился, я действительно испугался, братишка. – Я взял друга за руку.

Горан усмехнулся, как впоследствии отец Василий усмехнулся в ответ на мои вопросы о вампирах, с язвительной снисходительностью:

– Хочешь убедиться в правдивости моих слов? – Он смотрел серьезно и злобно, пробуждая во мне страх и неуверенность.

– Н-нет.

– Тогда не надо меня злить своим недоверием! Разве я когда-нибудь обманывал тебя, дружище? Айде, пойдём, я покажу тебе самую свежую могилу и расскажу еще кое-что. Об этом еще никто из наших не знает, да и не узнает, если ты будешь держать свой язык за зубами. Да и не нужно им все это, как ты считаешь?

Я кивнул, и мы проворно спрыгнули с подоконника. Выйдя на улицу, я по-новому взглянул на мрачную картину рядом с заброшенным храмом. Кладбище было настолько старым, что уже превращалось в пустырь. Наконец-то я понял, почему кресты были из какого-то серого камня и все особой формы. Как я узнал, став взрослым, это они были очень похожи на кресты тамплиеров. Очевидно, они были поставлены с целью, чтобы вампир не смог выбраться из могилы. Всего видимых могил было около сорока. Они были очень-очень древними, половина каменных крестов была уже обрушена вандалами или старостью, и все поросли изумрудной мшистой плесенью. Я стал думать, как найти в этом палеолите свежую могилу, о которой упомянул Горан. К своему удивлению, я нашел ее довольно быстро.

– Эта?! – Мы подошли к какому-то заросшему холмику, напоминающему могилу, на котором, правда, росли небольшие красные анемоны. Креста на ней не было, даже обломков. Я первый раз обратил на это внимание – анемоны, пять-шесть цветков, росли только на этой могиле. Да и кресты были везде, кроме этой могилы. И вообще, могила ли это? У меня снова пробудились сомнения, не насадил ли цветы сам Горан, чтобы разыграть меня? Хотя это было бы очень глупо, не в духе моего хитрого приятеля.

– Да, Милане. Это могила полковника Марко Савановича.

– Правда?! – Моя челюсть отвисла от смешанных чувств недоверия и удивления. Марко Саванович, если он, конечно, говорил о том самом Марко Савановиче, был известным партизаном-коммунистом. Его считали героем, борцом с фашистами. Однако моя бабушка говорила, что Марко безжалостно убил несколько сотен священников под предлогом того, что они поддержали временный режим. Ходили самые страшные слухи о том, каким способом он расправился с якобы предателями народа. Также молва утверждала, что он не жалел даже женщин и детей и убивал всех, кто хоть как-то сотрудничал с профашистским режимом. – Ты хочешь сказать, тут лежит тот самый, да? Герой? – Мне стало смешно от того, что убийца-садист Марко был объявлен в Югославии героем, и пришлось сдерживаться, чтобы не засмеяться и не обидеть друга.

Горан оценил мои усилия и сам усмехнулся:

– Да. Это тот самый Марко Саванович, убийца священников, женщин и детей.

– Подожди, человек, что-то ты свистишь. Ведь он похоронен в Белграде, у стены героев, вместе с другими партизанами.

Горан удивился моей осведомленности:

– Был похоронен, правда, но, видно, кому-то было нужно перенести его тело сюда. – Он указал на могильный холмик, который в лунном свете выглядел очень зловеще. – Как видишь, на этой могиле нет креста, но кто-то за ней ухаживает и даже посадил на ней эти кроваво-красные маки.

– Это не маки, Горан, а анемоны.

– Не дури мне голову. Это маки!

На этот раз я уже прыснул, хотя и как-то неуверенно:

– Хорошо, пусть будут маки. Вот только... Перенести тело?! Сюда?! Да кому это было нужно? Что за бред! – Я, пытаясь показаться разочарованным, рассмеялся: – Ты меня уже совсем за дурака принимаешь?

– Тито. – Горан ударил себя ребром ладони по горлу. – Это он распорядился, чтобы тело его бывшего соратника и друга перенесли сюда, на кладбище вампиров. Тайно.

– Горан!

– Дело в том, что Марко на самом деле не умер и...

– Горан!

– Что? – Приятель удивленно посмотрел на меня. Он, по всей видимости, думал, что я должен был сейчас смотреть на него со страхом и трепетом, но я был неглупым парнем и не мог сдаться так быстро. И я просто ненавидел, когда меня водили за нос.

– Откуда, черт возьми, ты все это знаешь, если, как ты сам утверждаешь, Тито приказал перенести его тело тайно?! Тайно, понимаешь?

Горан стал серьезным, на его лице, впервые за последнюю неделю или даже месяц, отобразился страх.

– Бабка мне все сказала, всю правду, которую не знает даже Тито.

Несмотря на всю кажущуюся смехотворность, этот довод показался мне серьезным. Бабка Горана выглядела как настоящая ведьма. Люди боялись смотреть ей в глаза, даже моя бабушка не общалась с ней, как не любила и самого Горана. Она называла его не иначе как чертенком. Бабушка бы наверняка запретила мне играть и дружить с ним, если бы не заступничество моего отца, которому Горан нравился, несмотря на то что его отец был русским бело-гвардейцем.

– Бабка? Хм. А она, черт возьми, бабка-то твоя, откуда это все узнала? Ха! Тито сказал?

– Обещай, друг, что не спалишь меня никому. – Горан дернул меня за рукав. – Обещаешь?

Легенда, рассказанная на кладбище

У храма, на старом субботицком кладбище, заинтригованный сверх меры загадкой его происхождения, я обещал Горану хранить гробовое молчание. Тогда он и рассказал мне эту историю о вампире-коммунисте Марко Савановиче. Уже много лет после, подробно изучив архивные материалы о герое-партизане и, как я думаю, может быть, и необоснованно, заложив основы вампирологии, я уже во всеоружии знания выстроил точную картину произошедшего здесь. Утерянные детали, о которых не могли знать Горан или его ведьма-бабушка, дополнили эту дьявольскую мозаику и показали мне мрачную легенду о Марко Савановиче во всей ее дикой красоте.

Как поется в одной малоизвестной военной песне:

Марко, Марко, орел удалой, первенец славы Югославии нашей.
Спи наш товарищ, ты мертв, но бессмертен, грозный убийца
крестоносцев-ушастей⁴.

⁴ Усташа (на *сербскохорв.* «усташа» – восстание) в 1929–1945 гг. организация хорватских националистов. Основана за границей (центры в Италии, Австрии, Венгрии, Бельгии и других странах) А. Павеличем. В 1934 г. усташа убили югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту. После оккупации Югославии Германией создали Независимое государство Хорватия. Усташа были ревностными католиками в духе средневековых крестоносцев.

Знают и дети, что вражая сила не одолеет славянской свободы.
Марко лишь спит в одинокой могиле, но его смерть – нарушение природы.
Если однажды восстанут фашисты поработить югославов отважных,
Марко воскреснет под луной серебристой и сожжет всех врагов как драконов бумажных.

Легендарный Саванович был партизаном-коммунистом, который обладал недюжинной силой и удивительной храбростью. Он был чем-то похожим на нашего обожаемого Тито: та же твердость характера, бесстрашие и непримиримость к врагам. Говорят, что в жилах Савановича текла кровь хорватов, как и у Иосипа Броза, и что Марко вместе с ним попал в плен к русским во время Первой мировой войны, где они сражались на стороне немцев.

Черкесы Дикой дивизии хотели было перерезать друзьям горло, но подоспели русские офицеры и спасли им жизнь. Один из черкесов в черной бурке заглянул в карие и жестокие глаза Марко:

– Вах! Мамой клянусь, сам проклятый шайтан сидит в тебе. Жаль, что я не успел с тобой разделаться.

Марко в ответ только хитро улыбнулся. Затем они с Тито жили в русском плену почти припеваючи, но Марко совершил геройский побег, а Тито застрял в России надолго и даже женился на русской. Говорят, что даже Тито завидовал храбрости и удачливости Марко. Правда ли это или всего лишь слух, никто не знает, но то, что Марко Саванович лично знал Иосипа Броз Тито, который его ценил, как опытного и бесстрашного командира, это истинная правда.

Марко командовал одним диким партизанским отрядом, название которого было «Красные дьяволята». До сих пор некоторые старики, прошедшие войну, с содроганием сердца говорят об этом отряде. И это содрогание отнюдь не священный трепет перед славой героев, а скорее животный страх. «Дьяволята» мстили всем, кто хоть как-то сотрудничал с сербскими фашистами или хорватами-ушастами. Но особую ненависть у них почему-то вызывали православные священники, что пошли на сотрудничество с режимом фашистов. Эта ненависть была безрассудна, мало кто знал, что она передавалась рядовым партизанам прямо из сердца неистового Марко.

Вообще-то Сербская православная церковь не поддержала фашистский режим, поэтому многие иерархи погибли или прошли концентрационные лагеря, но, как всегда, были здесь и свои отступники. Многие из числа духовенства искренне считали, что между Сциллой коммунистов и Харибдой нацистов лучше держаться второй стороны. Муссолини оставался католиком-христианином, а коммунисты исповедовали полное безбожие. Сталин в России объявил безбожную пятилетку, взрывал храмы и расстреливал священников. Поэтому какая-то логика у отступников была. Нельзя сказать, что они, все как один, были подонками и трусами. Хотя для многих в те суровые годы главной задачей было выжить. Этим священников, сотрудничавших с фашистами, вместе с населением сел, где они служили, «Красные дьяволята» жестоко вырезали. Они не щадили даже детей, по собственному учению Марко, который ввел в обиход подчиненного ему партизанского отряда понятие «коллективная ответственность». Из детей предателей, по его мнению, не могло вырасти ничего лучше самих предателей. Если кто-нибудь из села становился предателем, тогда виноватыми оказывались все жители. Даже самые немилосердные из ушастей поражались невероятной жестокости сербского партизана.

Марко лично и очень жестоко пытал всех отступников или тех, кого только подозревал в отступничестве, требуя отдать все материальные средства, включая спрятанные продукты, и рассказать все о передвижении вражеских войск. Как только он получал необходимое, отступ-

ников жестоко убивали, иногда их варили живьем в больших котлах. С усташами и то «дьяволята» поступали мягче, сразу же убивая, без особых истязаний.

На первый взгляд в личности этого деятеля Второй мировой не было ничего особенного, отличающего его от характерного типа злодеев-военачальников, распространенных в то время. Те же жестокость, непримиримость и садизм. Но у Марко все же была одна особенность: он был вампиром. Нельзя сказать определенно, были ли у него вампирские наклонности до войны или он приобрел их в результате упражнения в садизме и убийствах, но точно известно, когда именно вампиризм стал у него проявляться на людях.

Однажды, пытая одного католического священника-усташа, Марко надрезал ему запястье левой руки и стал жадно пить его кровь, впившись в его артерию. Для видавших виды партизан-головорезов отряда эти его странности не показались слишком уж странными. Они думали, что таков метод психологической войны: для того чтобы устрасить колеблющееся между двумя сторонами крестьянство, было мало обычных убийств – об этом знали как красные, так и черные. Даже монархисты-четники⁵, несмотря на свою приверженность православию, прибегали к своеобразным методам устрашения. Говорят, что, выпив литр крови этого падре, Марко обернулся к своим приятелям, неохотно сплюнул и сквозь зубы прошептал:

– Это всего лишь католик, прихвостень Муссолини. Его кровь сродни крови псов, не то что кровь православных, чистая и свежая, как молодое вино.

Недалекие приятели лишь рассмеялись в ответ, хотя нужно было бы весьма задуматься. С сего дня, увидев спокойную реакцию своих соратников на эту дикость, Марко ввел употребление крови своих несчастных пленных в обычай. Очевидцы потом утверждали, что он как бы пьянел и расцветал от чашки свежей крови, его лицо розовело, а настроение улучшалось, как будто он выпил лучшей сербской лозы в хорошей дружеской компании.

Это было уже не простое запугивание крестьян; потребление крови определенно стало для Марко сильным пристрастием, необходимостью. Постепенно у него выработались и все признаки абстиненции: без ежедневной порции крови он становился раздражительным, его руки тряслись, а лицо бледнело, как у покойника. Он перестал выносить дневное время и начал совершать налеты исключительно по ночам.

Как-то раз их партизанскому отряду пришлось скрываться много дней в гористых лесах близ Сараево. Кто знает те места, может подтвердить, как легко может там затеряться не только маленький партизанский отряд, но и целая армия.

Пищи у них было вдоволь, усташам не хватило бы ни времени, ни сил, чтобы найти их. Для партизан это было временем покоя, расслабления и отдыха, но только не для Марко. Через неделю вынужденного простоя в убийствах и кровопролитии он стал вспыльчивым безо всякого повода и подозревал даже самых ближайших и преданнейших соратников в отступничестве. Марко стал пить кровь козлов и баранов, но она вызывала у него расстройство желудка и тошноту. Он лишился сна и постоянно бредил. По ночам он голыми руками копал себе могилу в промерзшей осенней земле, отчего его руки были всегда в крови. При виде его собаки, злобные шер-овчарки, скулили как щенята и припадали к его ногам от непонятного животного страха. Для партизан, которые любили и боялись своего командира, это было лишь еще одним доказательством исключительности Марко. Но не для его заместителей, которые пугались непредсказуемости своего вожака.

Разведчики докладывали, что усташаи перекрыли все выходы из ущелья, и неизвестно, сколько еще скрываться отряду. Услышав очередное донесение разведчика, Марко лишь заиграл желваками и прохрипел:

⁵ Четники – на Балканском полуострове бойцы отрядов (чет), партизанскими методами ведущих борьбу против османского ига. В XX веке четниками называли себя участники великосербского движения в Югославии во главе с генералом Дражей Михайловичем, которые боролись в период Второй мировой войны против руководимой коммунистами Народно-освободительной армии Югославии. Четники стояли на позициях воинствующего православия.

– Все вон, вы лжецы и предатели. От вас за километр несет усташской заразой. Вокруг меня нет ни одного смелого коммуниста. В каждом сербе притаился бородатый четник, в остальных – усташ или фашист. Где, скажите мне, нормальные коммунисты, которые не боятся проливать свою кровь и любят лить реки чужой?! Вы все жалкие тени, а не юнаки!⁶ Тупые бараны! Вы предатели, бросившие своего вожака в этом бескровном ущелье. Осмелились нарушить приказ! Кара... Вас всех ожидает жестокая и неумолимая кара!

С каждым днем, проведенным в покое, Марко становился все агрессивней. С каждым часом его патологическая жажда крови все росла и росла.

Марковские друзья-головорезы стали опасаться за свою жизнь. Они видели, как ухудшается состояние главаря, как недостаток крови сказывается на психике командира. Он рвался в бой и непрестанно давил на них, пытаясь сломить их волю. Однажды Марко собрал военный совет, он был готов идти в битву против намного превосходящих их в численности войск усташей, хотя это было настоящим безумием. Но Марко было все равно, лишь бы проливать кровь. На военном совете он с пеной у рта кричал на товарищей, затем, столкнувшись с непримиримой позицией остальных капралов, загадочно ухмыльнулся и снял со стены кривой турецкий ятаган, которым любил приводить в исполнение вынесенные им смертные приговоры. Марко медленно оглядел своих товарищей и неожиданно для всех мощным рубящим ударом, убил своего ближайшего сподвижника и советника Милована Тадича, который на этот раз принял сторону капралов. Затем Марко жадно слизал кровь с лезвия ятагана...

Военный совет был закрыт. Зная искреннюю любовь убитого к Савановичу, партизаны поняли, что их жизни теперь висят на волоске. Марко нужна была свежая кровь.

Негодую за убийство преданного Милована, друзья стали плести против Марко заговор. Но нельзя было просто так взять и убить обезумевшего предводителя, о храбрости которого ходили легенды. Капралам необходимо было представить его смерть как несчастный случай, чтобы обезопасить себя от дальнейших проблем, ведь Марко пользовался безоговорочной поддержкой своих отрядных партизан. Заговорщики не собирались больше трех и тщательно обговаривали детали предстоящего покушения. После долгих колебаний они решили отравить Савановича и объявить другим простым партизанам, что их храбрый вождь умер от обычной дизентерии. Так они объясняли войску его бледность и необычный болезненный вид. Но тщательно спланированный заговор капралов не удался. Среди заговорщиков появился предатель. Он был самым презируемым среди капралов партизанского отряда потомком боснийских мусульман и к тому же глухим на правое ухо. Над ним всегда все насмеялись, а он внешне терпел, но внутри с постоянством скупца копил злобу на своих насмешников. Его бы не допустили до капральства, если бы его не ценил Марко за знание местного ландшафта и меткий глаз. Этого босняка-мусульманина звали по-сербски Боян, а свое настоящее имя он скрывал по непонятным причинам.

Сначала капралы его не хотели посвящать в детали заговора, опасаясь предательства, но, поскольку Боян был еще и одним из отрядных врачей, он хорошо знал фармацевтику, а значит, имел представление о ядах и токсических веществах.

Услышав опасное предложение капралов, Боян сразу же согласился, изобразив на лице понимание и радость. Он был достаточно хитрым, чтобы понять: его непременно убьют в случае отказа или если только заподозрят в предательстве. Он хорошо владел собой и понял, что пробил его час – в душе Боян решил отомстить капралам за многочисленные издевательства. Он открыл о заговоре Марко, рассказал ему все, что знал. Полковник вопреки ожиданию Бояна не пришел в гнев, а будто бы затаился. Он дал Бояну некоторые рекомендации и стал вести себя, как будто ничего и не знал ни про какой заговор. Он даже как бы успокоился и стал более при-

⁶ Юнаки – сербские герои.

ветливым к своим друзьям. Но капралов это не остановило, маховик смерти был уже закручен. Правда, даже те, кто его закрутил, не могли заранее определить, чьи головы он снесет.

И вот – время пришло. Однажды вечером капралы дали Бояну знак, чтобы он подсыпал Марко в вино сильный яд – цианид. Боян выполнил их приказ. Саванович отпил из чаши вина, дико захрипел, держась руками за горло, и упал замертво. Боян проверил пульс Марко и сказал, что все кончено. Капралы ликовали.

Утром капралы собрали партизан из отряда и со слезами на глазах объявили, что их храбрый вожак умер от дизентерии. Его похоронили в той же самой неглубокой могиле, какую он выкопал собственными руками в промерзлой земле. Партизаны хотели установить на его могиле крест по обычаю, но Боян запретил; босниец сказал, что Марко, как убежденный коммунист, велел передать, что, если он умрет, никому не разрешать справлять над ним культ или ставить крест. Марко Саванович, дескать, в Бога не верил.

Все пять отрядных капралов вместе с Бояном участвовали в заговоре против Савановича. Всего же в отряде было около двух тысяч человек, это был один из самых крупных партизанских отрядов в Сербии. Капралы быстро выбрали нового полковника, руководителя «Красных дьяволят». Им стал главный организатор заговора капрал Деян Доджич. Собрали новый военный совет. Было принято решение провести зиму в ущелье, где усташи не могли их найти, и делать вылазки небольшими группами только за продуктами. Капралы расслабились, думая, что, избавившись от Савановича, они решили все свои проблемы.

Но на самом деле они даже не знали, что их ждет. На следующий день после избрания Доджича нашли мертвым у себя в шалаше. Капралы стали свидетелями страшной картины: новый командир лежал, раскинув руки, с бледным обескровленным лицом; на его шее был обнаружен след от укуса какого-то животного. Никто тогда не мог предположить, что этот укус оставлен человеком. Капралы хотели захоронить Доджича рядом с Савановичем, но среди партизан отряда, суеверных крестьян, начались волнения, которые повлияли на последующее решение капралов сжечь тело командира и развеять прах по ветру.

Доджича сожгли, и испуганные капралы решили неделю не выбирать никого на должность командира отряда, как будто она была проклятой. На внутреннем совете они чуть не передрались друг с другом, один капрал подозревал другого в убийстве командира. Наконец, военачальники, осознав безрезультатность и гибельность своих споров, спросили Бояна, какое животное могло оставить такие чудовищные следы на шее полковника. Охваченные чудовищными страхами, они сомневались: животное ли это вообще? Боян отвечал, что скорее всего Доджича убила одна из отрядных собак шер-овчарок, которые и вправду после смерти Савановича будто взбесились и вели себя агрессивно. Одна из самых свирепых и сильных овчарок по кличке Вук даже напала на проходящего мимо пьяного партизана и загрызла его до смерти. Этого Вука уже пристрелили. Боян дал всему происходящему разумное объяснение, все капралы успокоились и на этом разошлись.

Но на следующий день, едва солнце осветило макушки деревьев, в лагере раздались дикие крики, призывающие к оружию. Взбудораженные партизаны выскочили из шалашей и собрались у большого дуба, под которым адъютанты капралов бились в истерике, опасаясь за свои жизни. Оказалось, что было убито еще два капрала таким же зверским способом, как и Доджич.

Партизаны в гневе перебили всех овчарок и еще тех солдат, что присматривали за ними; адъютантам явно благоприятствовали звезды, их оставили в живых. Начались волнения, которые, учитывая большое количество оружия и отваги, могли привести к самым плачевным последствиям. Был убит еще один капрал, которого подозревали в предательстве. Когда кровавый гнев толпы был удовлетворен, в отряде созвали коло – что-то наподобие казачьего круга. На этом коло были казнены шесть провокаторов и избраны еще четыре новых капрала

из самых кровожадных гайдуков. Новые командиры сразу же захватили власть и заковали в оковы Бояна с последним из оставшихся старых капралов, как хорватских шпионов.

Оставшись наедине, пленники стали думать, как им остаться в живых. Тогда Боян рассказал своему товарищу по несчастью, что он подлил в вино Марко не цианид, а концентрированный раствор дурмана колючего. Так велел ему полковник, который узнал от него о заговоре. Этот раствор был строго дозирован для того, чтобы Марко не умер, а лишь погрузился в глубокий летаргический сон. И что, возможно, он и умертвил своих капралов, отомстив за заговор и удовлетворив свою жажду крови. То есть таким образом он убил двух зайцев одним камнем, как по-настоящему гениальный преступник.

Капрал, услышав такие откровения, заскрежетал зубами и погрозил мусульманину кулаком. Опешив от неожиданного признания и потеряв голову от лютого гнева, капрал решил использовать ситуацию в свою пользу, оглушил Бояна и позвал охрану. Однако новые военачальники, приняв к сведению информацию о заговоре с отравлением, совершенно проигнорировали Бояново сообщение о летаргическом сне и мести Савановича. Они расстреляли капрала на месте, совершенно в гайдукском стиле, безжалостно, с детской невинной простотой. Затем выпили черногорской лозы и послали за Бояном. Теперь у них было обоснование собственной власти – восстановление справедливости, месть за отравление Савановича.

Хитрый мусульманин отказался от прощальной рюмки раки и попросил гайдуков о другом последнем желании: он хотел рассказать историю.

Охмелевшие и подобревшие гайдуки рассмеялись и благосклонно восприняли просьбу Бояна. Тогда он не спеша, стараясь заинтриговать новых капралов, рассказал всю историю от начала до конца, стараясь удержать их в благодушном настроении как можно дольше. Это ему почти удалось.

После его необычного рассказа, объясняющего странные явления последних дней, мнения капралов разделились: одни хотели его тут же пристрелить, другие решили пойти на могилу Савановича и посмотреть на тело, а уже потом уничтожить Бояна, осмелившегося насмеяться над смертью прославленного командира Марко.

Подойдя к могиле, они увидели, что земля на ней совершенно свежая и переворошенная, как будто ее совсем недавно раскопали. Гайдуки приказали солдатам вновь раскопать могилу и с нескрываемым удивлением обнаружили, что тело Савановича и в самом деле пропало. Удивление быстро сменилось гневом.

Бояна тут же, с раздраженными криками, расстреляли, а тело бросили в эту же могилу. Ее наспех засыпали на глазах у изумленных партизан. Затем капралы плюнули на могильный холмик, теперь уже Бояна, и на скорую руку решили снова созвать коло, чтобы выбрать на нем великого командира, равного доблестью и отвагой самому Марко Савановичу. А разобраться с загадочными смертями капралов и пропажей тела их предводителя решили потом.

Каждый из четырех капралов-гайдуков хотел быть первым, и никто не желал подчиняться другому. И у каждого из них было много сторонников в отряде. В воздухе сгущалось напряжение. Коло собралось на следующий день у большого дуба. Партизаны стекались туда безо всякого огнестрельного оружия, чтобы предотвратить кровопролитие, правда, никто не сможет заставить гайдука расстаться с ножом. Чтобы не затягивать выбор командира, партизанам сразу же сообщили о главной цели: необходимо избрать нового военачальника для того, чтобы наказать виновных и восстановить порядок и справедливость. Солдаты стали выкрикивать фамилии своих кандидатов, но всем было ясно, что достичь единства в этом вопросе будет очень сложно. Начались споры и небольшие потасовки, пока в тумане гула и споров не раздался мощный крик, который, как тогда всем показалось, потряс основы вселенной:

– Саванович!!!

От этого крика время словно остановилось. Всякие споры утихли, мускулистые усатые капралы прекратили битву за власть и присмирели. Само звучание этой фамилии звучало маги-

чески, это имя вгоняло людей в замогильный холод таргара. В ущелье воцарилась тишина как в средневековом монастыре. Все осторожно посмотрели в центр толпы, откуда раздался этот крик. И вот из самой людской гущи, как из лесной чащобы, вышел дикий зверь Марко. Все буквально онемели от изумления и ужаса. Марко был бледен, словно смерть, его глаза искрились от ненависти, казалось, что она жжет его изнутри, как языки неугасаемого адского пламени. Его волосы были всклокоченными, в кудрях застряли маленькие комья земли. Но, несмотря на грязь и кровь на лице, руках и одежде, весь его вид был грозным и даже величественным.

Марко подошел к большому дубу и, не говоря ни слова, сел в кресло командира. Солнце уже вышло, но тень дуба покрывала поляну полностью, казалось, что партизаны находятся в непролазных тропических джунглях, куда свет заглядывает лишь изредка. По одному преданию, этот дуб был настолько старым, что под ним останавливался обедать сам император Константин Великий. Его ствол могли обхватить только девять взрослых мужчин. Это был древний дуб, у него даже было имя: Душан. Непонятно, почему дубу дали человеческое имя, и никто не знал, кто «окрестил» дерево. Но должна же быть всему этому какая-то причина?

Через какое-то время люди стали выходить из-под власти зловещего гипноза и в толпе послышались приветственные вопли. Люди благодарили провидение за то, что оно вернуло им Савановича. И правда, не вернись он, партизаны могли бы перерезать друг друга. Марко сразу же приказал повесить всех четырех гайдуков на раскидистых ветвях Душана. Это приказание было выполнено незамедлительно, гайдуки даже не препятствовали совершению собственной казни. Злобные усатые богатыри, которые могли вырвать из груди человеческое сердце, приняли смерть, как кроткие агнцы, ведомые на заклание.

Марко вновь принял власть над «Красными дьяволятами», но на сей раз он правил самодержавно. Партизаны выполняли любое его приказание, каким бы нелепым и жестоким оно ни было. В отряде с того момента не стало даже намека на оппозицию. Саванович использовал метод царя Иоанна Грозного и деспота Влада Цепеша: устранить элиту путем кровавых репрессий и психологического устрашения, сосредоточив власть в одних руках. С сего дня, управляемые железной волей Марко, партизаны отряда совершили еще немало героических, почти легендарных деяний, как, впрочем, и таких же легендарных зверств.

Вскоре после окончания войны герой Марко погиб от шальной серебряной пули во время военного парада и был похоронен у стены героев в Белграде. Он был канонизирован социалистами, которые видели в нем великого героя, у его бюста всегда лежали свежие маки. Почитатели и ветераны отряда «Красных дьяволят» не забыли своего старого полковника. Все, как тогда казалось, было хорошо у живых и у мертвых.

Но, однако, это было лишь началом. Садовник, отвечающий за парк у стены героев, стал замечать, что земля, в том месте где погребли Марко, всегда свежая и взрыхленная, как будто там поселился большой крот или даже целое семейство больших кротов. Чтобы избежать административного взыскания, садовник стал опрыскивать могилу химикатами и разбрасывать по земле отравленные продукты – следовало отвадить наглых грызунов, осмелившихся завестись на святой земле. Такое поведение зверей ему казалось кощунственным. Он расходовал химикаты килограммами, так что на улицах Белграда стали находить множество мертвых птиц, которые имели неосторожность полакомиться отравленным хлебом. С того дня и до сих пор бюст Марко Савановича чист от птичьего помета, потому как все птицы облетают место его захоронения за десять метров. Но грызунам все было нипочем: странные взрыхления на могиле не прекращались. Разозленный старик решил перейти к более активным действиям самостоятельно подкараулить и забить наглого крота. Вместе со своим несовершеннолетним внуком, он пришел к могиле ночью, договорившись со сторожем, который был его стародавним приятелем.

Старик дал внуку маленькую штыковую лопату, а себе взял большую совковую. На небе светила большая луна и не было нужды пользоваться фонарем. Старик и ребенок заняли бое-

вую готовность у стены героев. Со стороны можно было их принять за гробокопателей, которые решили поживиться чем-нибудь из могил. Но истинные гробокопатели, которые закапывали могилу Марко, посмеялись бы над их потугами. Они все видели своими глазами и могли поклясться на «Капитале» Маркса, что гроб Марко сорвался с веревок и буквально провалился сквозь землю; пришлось привезти сюда дополнительное количество земли, для того чтобы полностью засыпать могилу. Никакие гробокопатели не смогли бы быстро найти его. Да и чем они могли поживиться, кроме нескольких орденов и медалей, а по пуле в лоб они бы заработали только за одну попытку осквернения могилы.

Старик и внук стояли перед стеной героев, как античные статуи, их тени застыли в лунном полумраке на красноватом кирпиче стены. Наконец, крот – как они думали – начал рыть землю. Земля как бы закипела, под ней явно была какая-то жизнь, а не смерть. Было уже три часа ночи. Маки на могиле зашевелились, и тут же зашевелились волосы, редкие старческие и кудрявые юношеские...

Старик и его внук так и не дождались выхода крота на поверхность, а может быть, и дождались – о том история умалчивает. Известно только, что их нашли у стены героев умерщвленными тем же способом, что и капрал Доджич. В застывших бледных руках покойники сжимали лопаты.

Наутро сторож обнаружил окоченевшие тела садовника с внуком. Он смертельно перепугался и сообщил куда надо. Впоследствии сторож скончался от сердечного приступа в тюремной больнице. Говорят, что об этом происшествии доложили самому Тито лично, который хоть и нахмурился, но не был особо удивлен произошедшим. Лидер Югославии весьма и весьма призадумался. Он явно знал то, о чем не знали другие.

Загадочной гибелью деда и внука дело не закончилось, за ним последовала череда таинственных и зловещих событий, о которых мне почти ничего не известно. Верхушка югославского руководства была встревожена, кое-кто из жен коммунистов загремел и в психушку. Тогда Тито собрал всех ученых, занимающихся необычными явлениями на грани сверхъестественных и рассказал им об этой деликатной ситуации. Они были моими предшественниками и обладали некоторыми знаниями из области вампирологии, главным образом черпая их из исторических хроник. Время было не то, чтобы сомневаться в приказах, и исследователи приступили к работе. В распоряжении этих ученых оказались австро-венгерские и сербско-хорватские архивы, в которых находились материалы о вампирах.

Общественности до сих пор известно лишь одно кладбище вампиров, близ местечка Челаковице⁷ в Чехии, где тела пятидесяти вампиров были погребены по древнему славянскому языческому обряду, во время которого их души отправлялись в ад, и всякая связь этих демоноподобных душ со своим телом прерывалась. Но югославские ученые выяснили, что и в Сербии, в маленькой королевской деревне Субботица, есть новейшее кладбище вампиров, где во времена Австро-Венгрии священник Савва, используя какой-то православный обряд, также прерывал эту связь и нейтрализовывал вампира. Эта информация и по сей день составляет государственную тайну. И в ее сохранении заинтересованы многие и многие.

Ученые объяснили Тито: чтобы покончить с чередой странных событий и злодейств со стороны покойного Савановича, нужно его перезахоронить на субботицком кладбище по тому самому обряду. Тито не стал отвергать предложения своих ученых. Он и так знал, что его соратник, брат по оружию, был вампиром – этому было слишком много доказательств. Иосип Броз дал ученым зеленый свет, лишь приказал не предавать это дело огласке.

⁷ В 1966 г. в городке Челаковице недалеко от Праги было обнаружено самое крупное в мире захоронение вампиров. Там было найдено 12 гробов, относящихся к X–XI вв. и более поздние захоронения. Во всех гробах вампиров обезвреживали протыканием тела деревянным колом и отсечением головы.

Оставалось только узнать, каков был сам этот обряд. В архивах никаких документов на этот счет не было. Ученые приехали в самую Субботицу, но неделя их работы также прошла впустую. Ничего не нашли. В Будапешт с такой просьбой обратиться ученые не могли, не было дозволения Тито. Так бы они и уехали восвояси, если бы к ученым не пришла праправнучка того самого отца Саввы. Она как-то узнала о цели их визита и предложила последование обряда «запрещения вампира». Этой праправнучкой, о чем я с удивлением узнал, оказалась бабка Горана, она хранила некоторые вещи опального Саввы, которые передавались в этой семье из поколения в поколение.

Ученые пришли к выводу, что это последование гораздо старше XVIII века, когда жил отец Савва. Оно было написано на древнеболгарском языке, один из диалектов которого святые Кирилл и Мефодий использовали при переводе богослужебной литературы с греческого языка. Ведьма отдала этот артефакт в их распоряжение отнюдь не бесплатно. Когда Горан мне рассказывал эту историю, я еще не знал всей цены, которую заплатили за обладание этим документом ученые и, в конце концов, сам Тито. Наспех разобравшись в ситуации, ученые пошли на контакт с Сербской православной церковью и обратились в Патриархию с просьбой помочь провести этот необычный религиозный обряд. Ученые не вдавались в подробности, но дали понять, что эта просьба – не провокация и идет с самого верху. Но в Патриархии совсем не были уверены в том, что этот документ каноничен, и не могли дать благословение на проведение обряда. Ведь о «запрещении вампира» не упоминалось никаким святым отцом, и оно ни разу не было нигде напечатано. Возможно, это было творчество еретиков-богомиллов, а не православного человека. Несмотря на все уважение к властям, в чем заверил ученых секретарь Патриарха, благословения на проведение обряда Патриархия дать не может.

Тогда ученые пошли по ленинскому совету другим путем. Они нашли одного старого священника, который жил в Кралево на покое. Этот священник слыл большим чудачком и хорошо знал субботицкую историю. Он поддался на уговоры ученых больше из элементарного любопытства, чем из-за денег, которые ему предложили. Отец Димитрий был романтической натурой и желал верить в вампиров и другую нечисть, считая, что без них жизнь слишком скучна, тем более для священника, самим Богом призванного бороться со злом.

Тем временем в Белграде перед стеной героев начались раскопки. Гроб Марко Савановича искали очень долго, он провалился достаточно глубоко, чтобы дать повод мрачным слухам о вампиризме власть имущих, и находился в десяти-пятнадцати метрах от поверхности земли. От гроба во внешний мир вел, если можно так выразиться, подземный ход спиралеобразной формы, и обычный человек при всем желании не смог бы пролезть по нему.

В это дело был посвящен только узкий круг лиц. Работники тайных служб были замаскированы под простых рабочих в касках и жилетах, раскопки велись под видом муниципальных работ, не прерываясь ни днем ни ночью, три дня, пока не увенчались успехом. Деревянный гроб вытащили при помощи хитроумной системы лебедок через таинственный проход, прорытый предположительно телом Марко Савановича. Затем могилу засыпали, как ни в чем не бывало, а гроб в обстановке полной секретности отвезли на далекий военный полигон, где его с нетерпением ждали врачи и ученые для исследования.

Тело героя партизанского сопротивления оказалось почти не разложившимся, что противоречило законам природы, однако на святые мощи оно тоже совсем не походило. Цвет трупа был бело-серый, как у бледной поганки, зубы выросли, как и ногти с волосами. Дух от него исходил весьма тяжелый. На крышке гроба были видны царапины, показывающие, что Саванович каким-то образом и после смерти сохранял жизнеспособность. Еще всех насторожили пятна и даже сгустки крови, которые были повсюду во гробе.

Участники эксгумации дали подписку о неразглашении государственной тайны.

Ученые долго совещались и наконец вынесли свой вердикт относительно тела Марко Савановича. По их авторитетному мнению, оно подверглось процессу естественной мумифика-

ции под влиянием каких-то солей и минералов. Однако такой вывод годился лишь для отписки, которая в данном случае не была нужна. Здесь нужна была правда, а все присутствующие понимали, что столкнулись с явлением сверхъестественным.

Некоторые ученые считали, что останки Савановича захватила колония высших микроорганизмов, неизвестных ранее науке. На это указывали признаки жизнеспособности трупа, оцарапанная крышка гроба и спиралевидный лаз на поверхность, который явно был прорыт. Микроорганизмы съедают разлагающуюся плоть и образуют своеобразный нарост вокруг костей, псевдоплоть. Эти высшие бактерии с единой системой организации жизнеобеспечения заставляют труп вставать и убивать других, для того чтобы свежей кровью питать колонию. Эта безумная теория, хоть и казалась порождением таланта какого-нибудь писателя-фантаста, но объясняла происходящее гораздо лучше теории «естественной мумификации». Нашлись в среде ученых и те, которые стояли на позициях оккультизма. Они принимали классическое понимание вампиризма, изложенное еще Парацельсом, что вампир – это астральное тело самоубийцы или умершего наглой, внезапной, смертью. Астральное тело вампира не прерывает связь с физическим телом и ворует у людей жизненную энергию, удерживая тем самым свой труп – физическое тело – от разложения. Все эти обряды – языческий в Челаковицах и православный или псевдоправославный в Субботице – имели одну цель: прервать связь астрального и физического тел. Оккультный взгляд, правда, не объяснял, откуда тогда возник этот спиралевидный лаз в земле и царапины на крышке гроба. Ведь астральное тело – обычный призрак и не может активно воздействовать на материю.

Ученые спорили до хрипоты достаточно долго, чтобы перессориться друг с другом. Наконец, они остановились на теории о колонии высших микроорганизмов. Некоторые считали, что и нетленные мощи святых такие же «спящие» колонии, а миро или елей, исходящие от них, лишь продукты жизнедеятельности микроорганизмов. Судя по приятному запаху, эти микроорганизмы были другого вида, чем захватившие труп Савановича. На этом и порешили, но провести обряд «запрещения вампира», пойдя на компромисс с учеными-оккультистами, также сочли уместным.

Используя массу предосторожностей, тело вампира перевезли на правительственном бронированном «Мерседесе» в Субботицу, где их уже ждал отец Димитрий, который, к сожалению, решился на эту рискованную акцию без благословения Владыки. Бабка Горана тоже захотела присутствовать при вторичном и даже уже третьем погребении тела Савановича. Специально для этого проекта на субботицкое кладбище за три дня провели насыпную дорогу, по которой мог бы проехать правительственный «Мерседес». Решено было провести обряд глубокой ночью, когда все местные жители уже спали бы в своих домах. По странному совпадению, в тот день было полнолуние, небо было совершенно чистым и не требовались дополнительные услуги осветителей.

На погребении Савановича присутствовали несколько партийных деятелей с неизменными шляпами на головах, четыре офицера службы безопасности и один представитель от Советского Союза – тогда отношения Тито со Сталиным были еще терпимыми. И, конечно, за всем наблюдали ученые, притащившие на кладбище большое количество различной современной аппаратуры.

Вначале один из присутствующих – коренастый и мордатый партийный деятель – прочел по бумажке речь о доблести фронтового товарища Марко, подвигами которого Югославия избавлена от фашистского гнета. Он выразил признательность от имени партии и трудового югославского народа: «Спи добрым сном, наш отважный товарищ, родина тебя не забудет».

Затем священник приступил к проведению собственно обряда. Отец Димитрий одел поручи и епитрахиль и прочел предначинательные молитвы. Он заглянул в последование и перевел взгляд на присутствующих. Застенчиво, но с твердостью заявил:

– Здесь написано, что евреи и католики не могут присутствовать при совершении этого обряда. Надеюсь, что все присутствующие крещены в православии?

В рядах партийных деятелей возникло смущение. В другой обстановке этот вопрос сочли бы провокаторским, что вызвало бы резкую реакцию. Но, учитывая мистическую подоплеку проводимого на кладбище обряда «запрещение вампира», партийцы проявили понимание. Тем не менее неловкая пауза затянулась надолго. Наконец, один чернявый партиец язвительно и остроумно ответил отцу Димитрию:

– В партии, товарищ, нет ни эллина, ни иудея, красное знамя примирило все трудящиеся народы. Отныне нет борьбы между народами, есть только классовая борьба. А с этой стороны, уверяю вас, у нас все в порядке, мы все вышли из рабочих или крестьян. – Партиец достал из кармана чистый белый платок и громко высморкался.

Отец Димитрий в недоумении почесал свою голову:

– Хорошо, так будет еще лучше. – Он хотел было что-то возразить, но передумал. Он медленно зажег кадило и принялся уныло кадить гроб, читая под нос молитвы из последования. Через двадцать минут отец Димитрий остановился и жалобно посмотрел на присутствующих:

– Чада мои, написано, что нужно отделить голову от трупа и вбить ему в грудь осиновый кол... Кол-то я еще как-нибудь вобью, а вот отделить голову не смогу. Духа не хватит. Может быть, кто-нибудь поможет мне?

– Чада мои?! – Чернявый партиец возмутился. – Подбирайте выражения, Димитрий! И потом, не понимаю, что значит, отделить голову? Что за мракобесие, товарищи? – Он посмотрел по сторонам. – Я еще понимаю священников, они наши классовые враги, но наука. Наука, товарищи! Ученые мужи что хотят – чтобы нам всем после смерти отделяли головы? Так, что ли, надо хоронить красных героев-коммунистов? Я, например, категорически против!

Начался бурный спор, и мнения разделились. Для ученых это был интересный эксперимент, и они во что бы то ни стало хотели провести его в согласии с древним последованием, но партийцы были, все как один, против. Кто-то из ученых-окультистов заявил, что они таким образом нарушат формулу и вампир не умрет. Священник умом был на стороне ученых, но сердцем на стороне партийцев, потому что ему не хотелось самому марать руки. Подняв сжатую в кулак руку, представитель от Советского Союза положил конец спорам. Он говорил громко, почти крича:

– Вы хоть понимаете, что плетете?! А товарищу Ленину нам, по-вашему, тоже нужно отделить голову? А?! Ильич тоже живее всех живых, но наши ученые не стремятся к расчленению тела нашего любимого вождя. Мы нашли другой выход из ситуации. Эх вы! Надо было пригласить наших, лучших в мире, специалистов, а не мнить в своем мелкобуржуазном ревизионизме, что можете обойтись своими силами. Вбивайте кол, так уж и быть, но голову я вам отделять не позволю. Я запрещаю вам расчленять тело товарища Савановича!

Все присутствующие от этих слов оторопели и смирились, кроме священника, который облегченно выдохнул. Он взял протянутый ему маленький осиновый кол, привезенный из Белграда в портфеле-дипломате, и наспех вбил его в грудь Савановича. Однако отец Димитрий со страху перепутал левую сторону груди с правой, так что сердце даже и не задел.

Из пробитого отверстия тоненьким ручейком потекла коричневая кровь. Отец Димитрий поморщился и вновь зарядил кадило. Тимьян слабо перебивал трупный запах. Все присутствующие не скрывали радости оттого, что обряд близок к завершению. Священник еле-еле закончил последование и сел на заранее приготовленный стул; затем, отдышавшись, небрежным жестом, показал ученым, что они могут опускать гроб в могилу. Ее специально копали неглубоко, ученые хотели через год вновь ее раскопать и провести свои исследования.

Офицеры в форме засыпали могилу за несколько минут. Ученые, охая от напряжения, достали из багажника «Мерседеса» каменный крест такой же формы, как и на других могилах. Они хотели водрузить крест на могильный холмик.

Однако их планам не суждено было сбыться. Товарищ из Советского Союза категорически запретил устанавливать крест, другие партийцы его шумно поддержали, ссылаясь на так называемое завещание Марко Савановича. В этом завещании герой указал, что в случае его насильственной или естественной смерти злодеи-четники наверняка захотят справить над его телом культ, поставить на могиле крест и т. д. Или, хуже того, попытаются совершить над его телом надругательство. Поэтому Марко и завещал своим военным друзьям пресечь все эти попытки, если они будут иметь место.

Один из ученых-окультистов, наконец, взорвался:

– А что мы, по-вашему, здесь делаем, а?! Разве не совершаем надругательство?! Мы уже вбили кол в его сердце! Надо взглянуть правде в лицо – товарищ Саванович, который сознавал собственный вампиризм, специально составил это завещание. Он предположил, что не какие-нибудь четники-монархисты, а сами его друзья, партийные товарищи, захотят предотвратить его воскрешение в качестве вампира и совершат над ним это, так сказать, надругательство. Он хотел обезопасить себя как вампира, понимаете? Поэтому мы не должны принимать это «завещание» всерьез. Да и, потом, товарищи, судите сами, это «завещание» Савановича не имеет в данной ситуации никакой юридической силы. Какие же мы четники? – Он улыбнулся и посмотрел на югославов. – Мы самые настоящие исследователи-коммунисты, идеологически непримиримые борцы с четниками и разными там черносотенцами. И крест нам необходим не как религиозный объект для почитания, а как элемент обряда, прерывающего связь между астральным и физическим телом Савановича. Ясно вам? Всего лишь элемент сложного уравнения. – Ученый посмотрел на партийцев и брезгливо поморщился. – Мне казалось, что мы уже обо всем договорились.

Партийцы, поколебавшись с минуту, закивали головами в знак согласия. Представитель от Советского Союза иронично, со злобой засмеялся:

– Так что, товарищ, по-вашему, эту мифическую связь прервет божественная сила, которую символизирует этот ваш... крест?

Хотя его никто не спрашивал, священник поднял руку:

– Конечно так, рус! Ведь крест – хранитель всея вселенной.

– Хранитель вселенной? – Советский представитель побагровел, зашелся удушливым смехом и размашисто покачал пальцем во все стороны. – Лично! Я лично доложу товарищу Сталину о происходящем здесь безобразии. Хранитель, понимаешь ли, вселенной! Вы что, тут вздумали разводиться поповщину?! – Здесь русский явно перегнул палку, учитывая и без того напряженные отношения двух социалистических стран.

Югославы неодобрительно покосились на русского. Чернявый партиец, копируя его жесты, тоже стал качать указательным пальцем:

– Во-первых, это не наше общее мнение, товарищ, а только Димитрия. Я говорю про хранителя вселенной.

Партийцы-югославы шумно возроптали на представителя Советов. Послышались фразы, что Советский Союз постоянно затягивал свою помощь партизанам во время фашистской оккупации и всегда пытался давить на товарища Тито. Один из партийцев, разухабистый черногорец, нагло повернулся к русскому:

– Докладывай-докладывай! Ты сам-то грудь свою под пули подставлял? Нет? И Сталин ваш тоже сидел в своей ставке. Вот-вот. А товарищ Тито имеет ранения. Что нам ваш Сталин?! У нас тут свои порядки. Если захотим, поставим и крест на могилу, а захотим – не поставим. Ясно? Доложи ему, вашему Сталину, что так сказал Анжелко Глимич из колена Васовичей. – Черногорец гордо указал на себя рукой и поправил пышные гайдуцкие усы. – Еще скажи ему, чтобы присоединил свою Болгарию к Молдавии вместе с Румынией. А нам, знаете ли, болгары в Югославии не нужны.

– Ну, знаете ли! Вы тут политзанятия не устраивайте мне. Болгары-то тут при чем! – Багровая краска с лица русского не сходила минут пять. Но советчик недолго пребывал в гневе, решив, за неимением лучшего, сменить его на милость. Он немного подумал, затем неожиданно улыбнулся: – Почему бы не установить на могиле товарища Савановича не буржуазный предрассудок – крест, а красную звезду, более мощный в энергетическом отношении символ?

Ученые-окультисты приняли эту идею с большим пониманием, чего нельзя было сказать об отце Димитрии, который вдруг приобрел смелость и красноречие. Священник стал пространно объяснять, что пятиконечная звезда, или пентакль, – это символ вампиров, придающий им дополнительную силу. Это, конечно, только подлило масла в огонь...

Споры все усиливались, и спорщики никак не могли достигнуть согласия. Но усталость стала сказываться. В конце концов, решили ничего на могиле не устанавливать, ни православный крест, ни красную звезду, лишь обязали бабушку Горана высаживать на могиле Марко Савановича красные цветы. На том деятели этих странных похорон и разошлись.

Зубы Марко Савановича

Когда Горан рассказал мне эту безумную и странную историю, мне стало по-настоящему страшно и захотелось покинуть это место, это мрачное кладбище вампиров, и даже саму Субботицу. Вернуться в родной пыльный Белград, где меня ждал привычный мир, с мамой, отцом, напряженной учебой и родовым бессмертием вместе с благодарностью будущих поколений, ради которого современные коммунисты не ценят чужие жизни, как, впрочем, и свои собственные...

Приятель заметил мое состояние и с легким на-игранным презрением встряхнул меня за плечи:

– Милане, что ты, неужели сдрейфил?

Я отрицательно покачал головой.

– Нет. Конечно, нет. Просто пойдем по домам, бабушка уже волнуется. – Я неловко указал в сторону Субботицы. – Пойдем уже, а?

– Бабушка волнуется? – Горан раздраженно сжал губы. – Эх! Не надо было с тобой этим делиться. Не оценил ты мое доверие. Я-то думал ты, Милан, крепкий парень и поможешь мне, но сейчас я увидел, что внутри у тебя труха. – Он презрительно сплюнул на землю. – Ошибочка вышла! Ты трус!

Он пошел обратно в храм за огарком свечи, оставив меня в нерешительности, как поступить. Выйдя из церкви, он, ни слова мне не говоря, пошел в Субботицу по насыпной дороге. Наконец-то я обратил внимание, что дорога к заброшенному храму и правда была насыпная. Хотя какая в том была надобность – храм был давно заброшен, как и кладбище...

Я, конечно, разозлился, но стерпел оскорбление, догнал своего друга и пошел с ним в ногу.

– И вовсе я не струсил. С чего ты это взял, Горан?

– Ха! Да ты весь аж побелел от страха, как курица! Как ощипанная курица перед тем, как ее бросят в суп. – Горан остановился и легко толкнул меня. – Не отпирайся, ты ведь струсил. Ты же сам признался мне, что я тебя действительно напугал. – Он упер свои руки в бедра. – Что, уже забыл?

Я тяжело вздохнул:

– Ну, допустим, я немного испугался. А кто бы не испугался?! Вампиры, Марко Саванович и все такое! Ничего не могу на это сказать. Но ведь сейчас я не боюсь. Что ты взбесился-то?

Горан какое-то время шел тихо, ничего у меня не спрашивал и не обвинял в трусости. Он словно подбирал слова, было видно, что я ему зачем-то нужен. Наконец, он обернулся ко мне и загадочно прошептал:

– Знаешь ли ты, Милан, о том, что моя бабка – могущественная колдунья? Самая сильная в крае, а может быть, и во всей центральной Сербии! Она хорошо знает травы, отвары, лечение болезней; умеет насылать порчу на скот и сглаз на людей. – Горан произнес эти слова без смеха и даже улыбки. – Мало того, Милан, она знает секрет, который поможет нам стать в жизни кем-то. Понимаешь, мы сможем вместе добиться многого. Мы можем стать самыми крутыми в Сербии. Ты хочешь стать таким?

В неопределенных чувствах я кивнул головой в знак согласия. Но, честно говоря, в этих речах Горана было какое-то безумие, которое заставляло меня бояться еще больше, и согласие мое было только от страха, не учудит ли он что-нибудь вслед за этими речами. Я не мог понять, зачем он мне все это говорит: мы вместе можем достичь многого, причем, если я его правильно понял, при помощи какого-то бабкиного колдовства. Что он имел в виду?

Меня пока вопрос достижения в жизни каких-либо высот еще мало волновал, но Горана, как я увидел, это по-настоящему заботило. Может быть, это все потому, что Горан был старше? Я впервые задумался, какое у него может быть будущее. Он, конечно, был неординарным подростком, но и имел все задатки преступника. В школе он учился плохо и однажды даже набросился на учителя физкультуры с кулаками. Для пацанов он стал героем, достойным примером для подражания. Но какая карьера могла ему светить с такими поступками? Горан не почитал старших, был вспыльчивым и совершенно не мог подчиняться. Тем не менее он был очень амбициозным, и судьба сельского тракториста его вряд ли могла устроить. Из него бы получился прекрасный гайдук, как сам Марко Саванович. Правда, сейчас в мире наступило какое-то затишье – плохое время для таких, как Горан. Родись он лет десять-двадцать назад, из него мог бы выйти настоящий герой, а сейчас такие, как он, пополняют число преступников. Было странным, что он завел со мной этот разговор о том, как бы добиться чего-нибудь в жизни.

К тому же у меня был шанс стать кем-то, мой отец был на должности, и я с ранних лет знал, что буду учиться в Белградском университете, но Горан с его повадками...

Горан тем временем продолжил:

– Я знаю от нее, от бабки, один секрет, который мы можем использовать в своей жизни. Это очень круто, приятель. Мы можем достичь всего, чего пожелаем, Милан, власти, богатства, девочек.

– Девочек? – Я покраснел и прыснул от смеха. – Какой ты, Горан, все-таки, дурак!

Он показал мне кулак:

– Сам ты дурак. Ничего ты еще не понимаешь в этой жизни. Самое главное здесь, на земле, это власть осуществлять свои желания. И первое мое желание – воспользоваться силой, которую даст нам бабкин секрет. Но мне будет трудно осуществить все это в одиночку. – Он остановился. – Это действительно трудно, очень трудно.

– Ты имеешь в виду этот секрет?

Горан кивнул:

– Да. Секретная власть над миром требует больших усилий, и прежде всего здесь. – Горан ткнул указательным пальцем в район сердца и шмыгнул носом. – Я долго думал, кому из друзей я мог бы все это доверить. В Субботице, ты же знаешь, живут все больше недалекие крестьяне, а в моих жилах течет кровь русского дворянина. Я не быдло! – Приятель говорил это с нескрываемой гордостью. – Прежде чем рассказать тебе первую часть тайны, я долго не мог решиться. И теперь только от тебя зависит, услышишь ли ты вторую. Слышишь? Среди нашей честной компании я не нашел тех, кому можно было довериться. Это все городские слюнвявые пацаны. – Он раздраженно посмотрел на меня. – Но не думай, Милан, что ты какой-то особенный.

– Тогда почему ты решил довериться мне? – Высказывания Горана относительно его дворянского происхождения раздражали, ведь и я сам был потомком крестьян. Мы уже далеко отошли от храма и вблизи виднелись крыши домов родной Субботицы. – Больше никому доверять? Ну, допустим. А если я откажусь от твоей секретной власти?

– Если откажешься, я сделаю все сам. Будет трудно, но я справлюсь. – Горан вновь остановился и обернулся к кладбищу. – Ты должен понять одно: тяжело принять всю власть в одиночку, нужен кто-то, способный разделить все это. Ведь эта власть, с одной стороны, дает все, а с другой – обрекает на невероятное духовное одиночество. – Горан тяжело вздохнул. – Тебе нужно выбрать сейчас, со мной ты или нет? Либо ты отступаешься, и мы с тобой более не друзья, либо идешь со мной. – Он протянул руку. – Дружище, ну так как?

– Тебе ответ дать сейчас? – Я так же медленно протянул руку, но даже не коснулся Горана. Я посмотрел ему в глаза, в которых заиграл дьявольский огонь. Меня стали одолевать сомнения. Как-то это все было ненормально. Этот страшный рассказ про Марко Савановича и непонятные речи Горана изменили мое восприятие так, что я чувствовал себя немного съехавшим с катушек. А теперь он, с совершенно серьезным видом, предлагает мне kota в мешке. Ну уж нет! – Горан! Ты же не думаешь, что я соглашусь на твое предложение, не зная, в чем оно состоит?! – Я даже покраснел от недоумения и убрал руку в карман. – Как-то все это звучит по-идиотски, ты не находишь?

– Ты даже не представляешь, Милан, насколько все это серьезно! Моя бабка... В общем, сейчас ты должен не только согласиться быть моим товарищем, но и поклясться на святом Евангелии, что ты выполнишь все, о чем я тебя попрошу. Это необходимо, чтобы ты не повернул назад, когда придет время. Тогда я и объясню тебе детали нашего дела, проделав которое мы обретем удивительную власть над миром.

– Ну уж нет... Дружба дружбой, но ты пытаешься надавить на меня, чтобы я вел себя глупо. Так настоящие друзья не поступают. Понятно?

Горан презрительно ухмыльнулся:

– Что ж, смотри сам. Только с этого момента мы с тобой больше не друзья. Теперь наши дороги расходятся. Я выбираю тайную власть, а ты можешь прозябать в тупом коммунистическом невежестве и питаться тухлым медком в сотах вашего улья, в тех, что завещает тебе твой отец-коммунист.

Теперь я был по-настоящему оскорблен. Сначала он обвинял меня в трусости, а сейчас оскорбил и моего отца. Да пошел он к черту со своим секретом! Я и сам не хотел больше с ним водиться. А может быть, Горан и добивался этой цели. Наверное, подумал я тогда, Горан просто завидует мне. С его-то происхождением и характером ему в Югославии ничего не светило. Он жил с бабкой-колдуньей и не любил учиться в школе. Вот он и выдумывает про какой-то там секрет тайной власти, доставшийся ему от бабки. Как это было все глупо и смешно, ха!

Горан всегда казался мне таким сильным, он был храбрым, настоящим природным лидером. Мы все и всегда слушали его, когда он отдавал приказания. Но с каждым годом сам Горан понимал, что он был для нас всего лишь летней игрушкой. Он был для нас чем-то вроде дядьки, который играет большую роль в жизни ребенка и становится ненужным, когда ребенок вырастает. Теперь я понял, почему он водился только с городскими, за что его сельские парни ненавидели так же сильно, как субботицкие старухи ненавидели его бабку. Он считал нас более развитыми, но, как оказалось, презирал не меньше местных. Он, видите ли, дворянин, и я, что ли, должен целовать ему ноги за то, что оказался достойным принять его секрет?

Я не был пророком, но достаточно хорошо видел, что произойдет. Пройдет несколько лет, я пойду в университет (я знал это точно, отец расписал мне мой путь, он видел его с большой ясностью и уже объяснил мне, кто я такой и кем на самом деле не являюсь), другие наши ребята разбредутся по жизни, а будущая судьба Горана казалась темной и неопределенной. Я представил его лет через двадцать, где же он будет тогда, этот дерзкий смельчак? Либо в тюрьме, либо, смирившись со своей судьбой, станет в грязной рабочей одежде на виноградниках собирать гроздья на вино и подбирать оборванные виноградные ветви, чтобы гнать ракию в больших чугунных чанах. А я буду это вино пить на какой-нибудь правительственной вечеринке.

Сербы, как бы там ни учил Розенберг⁸, являлись народом индо-иранского происхождения. И, как и все индо-иранские народы, сербы делились на три-четыре касты, границы которых не очерчивала Конституция, но которые сердцем чувствовал каждый серб. В упрощенном виде эти касты были такими: священство, воины и крестьяне. Священство молит Бога о воинах и крестьянах, воины защищают священников и крестьян, а крестьяне кормят священство и воинов. Так уж повелось испокон веков. В социалистической Югославии в принципе мало что изменилось. Хотя была провозглашена победа рабочих и крестьян, они так же кормили политиков и армию, как и раньше, а место священства заняли ученые и партия. Старая кастовая система была сломлена революцией, но сама схема осталась нетронутой.

Горан был кем-то наподобие средневекового сына еретиков. Может быть, даже парией, изгоем, неприкасаемым. С такой родословной дорога в высшие касты ему была закрыта, и Горан об этом прекрасно знал. Сейчас ему было уже тринадцать, и вопрос будущей жизни стал его потихоньку волновать. Да он был просто жалок, этот Горан! И никакой он вовсе не крутой парень. Когда я с помощью долгих умозаключений пришел к такому утешительному для себя выводу, мне стало даже жаль моего приятеля. Горан – будущий производитель сербской лозы или чумазый автомеханик. Что он мог там выдумать такого, из-за чего нам стоило расстаться? Может быть, он просто решил разорвать наши отношения, осознав, что наши пути все равно рано или поздно разойдутся? Гордость толкнула его сделать этот шаг первым, пока я сам постепенно, месяц за месяцем, не вычеркну его из собственной жизни, куда впишу новых друзей из моего круга, из моей касты.

Тем временем Горан шел по направлению к своему дому, не оборачиваясь и отчаянно ругаясь. Я сплюнул и раздраженно позвал приятеля:

– Горан! Горан!

Он остановился и напряженно обернулся, взгляд его абсолютно ничего не выражал: ни радости, ни удивления, ни огорчения.

– Что?!

Я подошел к нему и ободряюще хлопнул его по плечу. Теперь я чувствовал себя выше его и уже снисходил до его уровня.

– Ну хорошо, дружище, я с тобой! Зачем нам ссориться из-за пустяков?

– Это не пустяки!

– Ладно-ладно... Только не думаю, что мне уж прям так необходимо давать клятву на святом Евангелии, – ты же знаешь, я, как и мой отец, не верю в Бога. – Я улыбнулся. – Так же, впрочем, как и в колдовство твоей бабки. – Горан нахмурился. – Но я твой друг, и только ради дружбы я согласен на твое предложение. – Я неуверенно посмотрел в лицо Горана, который почему-то прятал от меня глаза. – Надеюсь, ты не предложишь мне что-нибудь... ну... плохое или мерзкое?

– Нет, конечно. – Горан, наконец, натянуто улыбнулся. – Правда, это все выглядит необычно, и ты... ты можешь легко принять меня за безумца. Но это не так, Милан, далеко не так! Только ты должен выслушать меня внимательно, не перебивая и не поддаваясь первому впечатлению, чтобы твое неверие все не испортило. Ты готов, друг?

Я напрягся:

– Этот секрет как-то связан с могилой Марко Савановича?

– Да-да. Связан. – Горан потер левый глаз. – Даже очень сильно связан, так что никто не в силах его развязать, кроме нас с тобой. Не просто же так я раскрыл перед тобой почти все карты и рассказал эту ужасную историю.

⁸ Альфред Розенберг (12 января 1893 г., Ревель, ныне Таллин, – 16 октября 1946 г., Нюрнберг), немецкий нацистский идеолог и пропагандист фашистского мировоззрения. Создал учение о расовой неполноценности славян. На процессе отстаивал свои взгляды.

– Ладно. – Мы вновь пошли к Субботице, родное село уже показалось за поворотом. Мою душу сковало какое-то неприятное чувство, как большой паук заползло оно во внутренность сердца и притаилось там, пристально наблюдая за моим выбором. – Надеюсь, нам не придется откапывать его тело, труп, как ты говоришь, вампира?

Горан злобно посмотрел на меня:

– А ты что, испугался бы этого? Ты же сам говорил мне, не так ли, что не трус?! – Он схватил меня за руку. – Да нет, не бойся ты, дружище, зубы я вырву сам. Самое тяжелое я возьму на себя. Тебе придется только ассистировать, копать там и прочее.

Окружающая меня действительность поплыла перед глазами. Сердце забилося словно умирающий в агонии.

– Что мне еще придется копать, Горане?! Какие-то еще зубы ты собрался вырвать и у кого?! – Теперь в моих глазах горел самый настоящий испуг, а в душе проснулся леденящий ужас. Я сгорал и леденел одновременно. Да Горан спятил! Мало того, это уже было не простое безумие, это был явный пример буйного помешательства! Вырвать зубы у покойника! Я отдышался и попытался привести друга в чувство, вернуть все на рельсы обыденности. Я повторил свои вопросы уже в спокойном тоне: – Объясни мне, Горан, приятель, какие-то еще зубы ты собрался вырвать и у кого? Чью могилу мы с тобой будем откапывать и, самое главное, зачем?

Я знал уже, что он хочет ответить, но предполагал, что Горан, заметивший мою бурную реакцию, вернется в лоно здравого смысла, очнется от этого странного и ужасного помешательства.

Горан на секунду отвернулся, в нем шла какая-то титаническая борьба.

– Эх, Милан! Я говорю про зубы... клыки Марко Савановича! Не обращай внимания на необычность этого талисмана. Ты слушаешь меня, Милан? Они принесут нам с тобой огромную власть. – Горан поднял руки вверх, как языческий жрец. – Бабка мне сказала, что, если мы с тобой повесим на шею по клыку вампира в определенную ночь, которая скоро наступит, и прочтем древнее вампирское заклинание, нас с тобой станут все бояться, не только учителя, но судьи и полиция. Дьявол даст нам такую мощь, с которой мы сможем открывать любые двери, добиваться высоких чинов, соблазнять самых красивых девушек, приобретать богатство, влияние и честь. Мы будем аристократами духа, кумирами невежественного крестьянского сброда. Не думай, что я безумец, моя бабка знает, что делает! – Он снова схватил меня за руку. – Хочешь я докажу тебе, хочешь расскажу, что она умеет и знает?! Давай расскажу, Милан?! Ты сразу же все поймешь! А хочешь, станешь певцом, Милан, знаменитым артистом?! Хочешь?!

– Горан, ты вообще в своем уме? – Я стал пятиться назад и краснеть как рак. – Я не хочу это слушать! – Мои ладони инстинктивно прижались к ушам, но Горан стал говорить еще громче:

– Ты должен, Милан! – Горан вдруг стал очень злобным. Паук в моем сердце зашевелился и готов был в любую минуту укусить меня, отравить насмерть своим ядом. – Ты мне обещал! Надо было заставить тебя поклясться на Евангелии!

Я колебался недолго и, ни слова не отвечая, побежал от него прочь к бабушкиному дому. Я бежал не останавливаясь до самого порога и выслушивал проклятия Горана, который в злобе и отчаянии грозил мне всеми муками ада.

С того времени в моей жизни все и началось. Зубы Марко Савановича все-таки прокусили мою шею, наполнив жизнь едким кошмаром. События этого вечера положили начало пути, который еще не завершен. Да поможет мне святая Петка пройти его достойно.

Глава 2. Тайны ордена «Рош»

Вы их, Бог знает почему, называете Вампирами, но я могу вас уверить, что им настоящее русское название: Упырь; а так как они происхождения чисто славянского, хотя встречаются во всей Европе и даже в Азии, то и неосновательно придерживаться имени, исковерканного венгерскими монахами, которые вздумали было все переворачивать на латинский лад и из Упыря сделали Вампира. Вампир, Вампир! – повторил он с презрением. – Это все равно, что если бы мы, русские, говорили вместо привидения – фантом или ревенант!
Алексей Константинович Толстой. Упырь.

Заговор Дракона

«В некоем государстве жил дракон. Он похищал молоденьких девушек, затаскивал их в свою пещеру и питался свежей человеческой плотью. Жители окружающих селений боялись дракона и даже не пытались сразиться с ним. Они и сами приносили зверю кровавую дань как своему владыке, который довольствовался подобострастным почитанием и подношениями и не свирепствовал сверх меры. В год жители окрестных селений подносили ему ровно шестьсот шестьдесят шесть девушек. Так бы злой дракон и злодействовал по сей день, если бы не появился в тех краях святой Георгий Победоносец. Он вдохновил людей бороться со зверем, дабы они избавились от всякого зла. При помощи Божественной силы святой победил дракона и освободил селения от идольских жертвоприношений. Он хотел было убить свирепого зверя, но хитрый дракон взмолился о пощаде:

– Не убивай меня, отче, я еще тебе пригожусь.

Святой Георгий отложил в сторону меч и задумался. Его верный и быстрый конь был съеден драконом, и ему теперь не на чем было больше ездить. Ради сего печального обстоятельства святой попросил местных кузнецов выковать большой железный панцирь с изображением Честного Креста Господня. Сковав дракона этим панцирем, святой Георгий Победоносец взнуздal зверя и стал ездить на нем, как на лошади. Отныне дракон не мог творить никакого зла, потому что на его чешуе был Крест, и вопреки своей воле он был вынужден творить добро. Святой Георгий, с помощью этого побежденного дракона, избавил мир от всего видимого зла и удалился после на покой. Вместе с собой он взял и дракона, который с тех пор пасся на лугу, как мирный скот. Казалось, что зло совсем исчезло со света и земля скоро станет новым Эдемом.

Но кроткий с виду дракон оставался внутри свирепым. Зверь ненавидел Георгия и тяготился бременем Креста. Больше всего он хотел освободиться от своего панциря, но не знал коим образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.